

Глава 5

ЛЕНИН: “ПОВЕСИТЬ (НЕПРЕМЕННО ПОВЕСИТЬ, ДАБЫ НАРОД ВИДЕЛ) НЕ МЕНЬШЕ 100 ЗАВЕДОМЫХ КУЛАКОВ, БОГАТЕЕВ... НАЙДИТЕ ЛЮДЕЙ ПОТВЕРЖЕ”

Этот ленинский документ был впервые опубликован мной в последние дни кратковременного допуска в Центральный партийный архив (“Демократическая газета”, номер 1991 г., № 21). Свои свирепые указания вождь начертил на бланке Совнаркома:

”В Пензу. 11/VIII-1918 г.

Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам.

Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят “последний решит[ельный] бой” с кулачем. Образец надо дать.

1) Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2) Опубликовать их имена.

3) Отнять у них весь хлеб.

4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

Р.С. Найдите людей потверже.” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6898).

В подлиннике над ленинским рукописным текстом — надпись секретаря: *“Наша политика в деревне”*.

О письме этом рассказано в опубликованных еще в 1924 году воспоминаниях Евгении Бош *“Встречи и беседы с Владимиром Ильичем”*. Интересно, вспомнила ли она об этом письме перед тем, как год спустя покончила с собой? Приведем комментарий в *“Ленинском сборнике XVIII”*, вышедшем в свет в 1931 году (пик *“коллективизации”*): *“Е. Бош написала Ленину о встречаемых затруднениях в работе и через несколько дней получила с нарочным письмо, в котором Ленин, обращаясь ко всем пензенским коммунистам, доказывал необходимость “беспощадного подавления” кулацкого восстания пяти волостей, указывал, что это необходимо в интересах “всей революции”, “ибо теперь ведь последний решительный бой” с кулачеством, советовал найти людей “потверже” и просил телеграфировать “о получении и исполнении”*. Письмо носило характер товарищеского совета и было подписано *“Ваш Ленин...”* Письмо это, видимо, не сохранилось, но аналогичного содержания обращение, опубликованное только в 1925 году: *“Товарищи-рабочие! Идем в последний решительный бой!”* — было, как известно, написано Лениным в то время... Возможно, что это обращение и было написано в связи с письмом пензенским коммунистам”. (Лен. сб. XVIII, стр.205-206).

Конечно, *“письмо к пензенским коммунистам”* не носило *“характер товарищеского совета”*, а было свирепым приказом главы правительства. И непонятно, почему это впервые опубликованное мной письмо в *“Ленинском сборнике”* под редакцией В. Молотова и других влиятельных большевиков называлось потерянным? Обманывали нас составители сборника или письмо попало в архив позднее?

В указанном *“Ленинском сборнике”* и в первых изданиях собраний сочинений вождя публиковалась *“Записка и Пензу”*, написанная в ночь с 10-го на 11-е августа 1918 г., подписанная Лениным, *“наркомпродом”* А. Цюрупой и вместо *“наркомвоена”* — Э. Склянским с грифом *“Передать немедленно Председателю Губисполкома”*. Текст этой телеграммы написан А. Цюрупой, а Ленин сверху приписал: *«Пенза “(Бош и Кураеву копия)”»*. В *“полное”* собрание сочинений телеграмма не вошла, даже в *“Приложения”*. В ней

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИОННАЯ
КОЗЬЮНСКАЯ ГЭСИЗБАКА.
ПРЕДСЕДТЕЛЬ
СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва - Кремль.

11/11/1918 г.
28

Handwritten scribbles and lines

Всем

*М-цам Кураву,
Томи, Шибиряку и
другим козюновским
ко шурингам.*

*М-цам! Козюновская наша
ГЭСиЗба Курава
должна вводить к бурно-
индустриальной подавлению. За
миссию и запас ваши ребята
еще, что запас ваши козюновские
"*

применяется "Курьин. Опа-
зны ма" дфт.

1) Курьин (температура
повышается, дана кажд время)
на время 100 за время

Курьин, дана, Курьин.

2) Курьин из воды.

3) Курьин из воды в пл.

4) Курьин за время
— время время пл.
время.

1917
10.10.17

Содержит как, дана
на время время Курьин
кажд время время, время,
Курьин: дана из дана
из Курьин Курьин.

Курьин время
из Курьин. дана дана.
15 Курьин время Курьин.

и частности предписывалось: “Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок исполнение положенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется Предгубисполкомом и Губпродкомиссаром на основании данных об урожае 1918 и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за Вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам сим даются соответствующие полномочия”. (Лен. сб. XVIII, стр. 203).

Можно отметить, что завершающая письмо от 11 августа установка Ленина — “Найдите людей *потверже*” — многие последующие десятилетия неуклонно проводилась в жизнь его наследниками. Например, в стенограмме суда над Л. Берией зафиксировано, что из Москвы шли распоряжения в местные органы НКВД — не расстреливать арестованных, а забивать их кулаками. При этом совмещалось выполнение двух задач: воспитание жестокости и отбор наиболее “твердых” чекистов — палачей и истязателей.

Известный историк-марксист М. Покровский неоднократно свидетельствовал, что как до октябрьского переворота, так и непосредственно после него, зажиточные крестьяне, которых Ленин в политических целях именовал “кулаками”, “мироедами”, “кровопийцами”, очень лояльно относились к большевикам и по сути являлись даже их главной опорой в сельской местности. Сопrotивление властям они начали оказывать лишь после развернутой по указанию Ленина кампании беспредельного грабежа и поборов в деревнях силами прибывавших в первую очередь из Москвы и Петрограда “продовольственных отрядов”, с помощью недоброй памяти “комитетов бедноты”. Вот одно из многих подобных высказываний М.Покровского: “Кулак в своей ненависти к тунеядцу-помещику шел даже впереди крестьянской массы. Еще наблюдатели 70-х годов заметили, что кулаки — “первые либералы в деревне”. Революционные агитаторы начала XX века должны были убедиться в этом еще раз. И социал-демократы, и социалисты-революционеры одинаково легче всего находили приют в зажиточных крестьянских семьях”.

8 мая 1918 г. Ленин пишет “Основные положения декрета о продовольственной диктатуре”, обосновавшие планы

вождя — надеть на крестьянство смирительную рубашку “военного коммунизма”:

“6) сильнее подчеркнуть основную мысль о необходимости, для спасения от голода, вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба;

7) точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и **не вывозящие их** на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются **врагами народа** и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины...” (36; 316).

Сколько миллионов жертв удалось бы избежать нашей стране, если бы в это время кто-нибудь смог убедить вождя учитывать личный интерес крестьянина! 9 мая 1918 г. Совнарком принял декрет о предоставлении народному комиссару по продовольствию, которым являлся с начала года А. Цюрупа, чрезвычайных полномочий по изъятию у зажиточных крестьян запасов хлеба. В этот же день вождь подписывает “Декрет о продовольственной диктатуре”, которым вводилось материальное вознаграждение за слежку и доносы на соседей: “В случае обнаружения у какого-либо крестьянина или иного владельца избытка хлеба, не заявленного к сдаче, согласно п. 1-му хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки после фактического поступления их на ссыпные пункты и в половинном размере — сельскому обществу.” (Лен. сб. XVIII, стр. 86-87). 13 мая в письме к наркому Ленин высказался за создание в Петрограде “надежной рабочей армии в 20 000 человек для дисциплинированного и беспощадного **военного** похода на деревенскую буржуазию и на взяточников” (50; 72). Как армия может с успехом “воевать” против взяточников — одна из загадок Ильича.

Через пару недель, 26 мая, еще до выступления чешских легионеров и начала гражданской войны, в “Тезисах по текущему моменту” (из 13 пунктов) Ленин уточняет принципы формирования военных подразделений, которые, подобно оккупантам, должны нагрянуть на крестьянство после сбора зерна. Вот некоторые из этих пунктов:

“1. Военный комиссариат превратить в Военно-продовольственный комиссариат — т.е. сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны — на 3 месяца: июнь-август”.

“3. Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних, хотя бы в некоторых областях, для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива”.

“7. В отряды действующей (против кулаков и пр.) армии включить от 1/3 до 1/2 (в каждый отряд) рабочих голодающих губерний и беднейших крестьян оттуда же” (36; 374).

Вождь буквально провоцировал гражданскую войну!

А еще через месяц, 27 июня, на московской профсоюзной конференции Ленин разъяснил рабочим, что забрать хлеб у богатых крестьян и отдать рабочим — это главный “лозунг момента”. Ибо “если вы будете называть трудовым крестьянином того, кто сотни пудов хлеба собрал своим трудом и даже без всякого наемного труда, а теперь видит, что, может быть, если он будет держать эти сотни пудов, то он может продать их не по 6 рублей”, а дороже, то такой крестьянин “превращается в эксплуататора — хуже разбойника” (36; 447). Так откровенно призывал вождь к экспроприации хлеба у всего крестьянства, даже не использующего наемного труда. И для социалистического строя это, по словам Ленина, “будет и победа, и хлеб, и правильное распределение хлеба, даже правильное распределение труда, потому что, распределив его правильно, мы будем господствовать над всеми областями труда, во всех областях промышленности” (36; 449). Для реквизиции хлеба после уборки нового урожая намечалось привлечь специально созданные отряды из латышей, а также немецких, австрийских и других военнопленных-“интернационалистов”, которые в чужой стране должны были проявить требуемую “твердость”. Можно было легко спрогнозировать, к чему приведет изымание хлеба у крестьянских семейств, в условиях, когда уже весной 1918 года в “Очередных задачах Советской власти” вождь предостерегал, что в стране “осталось, естественно, немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающими всякую долгую и реакционную войну, создалось немало настроений отчаяния и беспредметного озлобления” (36; 174).

Планирование столь свирепых мер можно объяснить тем, что на грани краха оказался большевистский эксперимент первых месяцев после октябрьского переворота: национализации всего и вся, отхода от денежного обращения, введения прямого продуктообмена и т.д.

Конечно, можно было бы с успехом за три года до введения НЭПа восстановить рыночные отношения с целью избежать голода, предотвратить кровопролитную гражданскую войну, но это противоречило бы ленинским принципам. Чтобы “не поступиться принципами” — и было решено Лениным и его ближайшими сподвижниками крайне жестокими мерами забрать у крестьян хлеб нового урожая, а также прихватить другое имущество.

Именно в первой половине 1918 года Ленин вошел в “раж”, требуя физического уничтожения российского зажиточного крестьянства. Об этом свидетельствует его тесно связанное с событиями в Пензе обращение: “Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!” Приведем отдельные выдержки.

“Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передуть, перерезать сотни тысяч рабочих”. “Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще”. “Никакие сомнения невозможны. Кулаки — бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом **никогда**. И поэтому бой против кулаков мы называем **последним, решительным боем**”. “Кулаки самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов”. “...Едва ли больше 2-х миллионов кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом. Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти

пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабелят бедных крестьян. Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!” (37; 39-41).

Обратим внимание — в одном абзаце 2 миллиона богатых крестьян, подлежащих физическому уничтожению, напаны и “кровопийцами”, и “пауками”, и “пиявками”, и “шампирами”. А вот заключительные фразы этого обращения: “...беспощадное подавление кулаков, этих кровопийц, шампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде; — вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса” (37; 42).

Но и ранее, не ограничиваясь общими установками, пождь слал конкретные приказы большевистскому руководству отдельных городов и губерний.

Например, 26 июня 1918 г. в Петроград Зиновьеву: “Если питерцы двинут тысяч 10-20 в **Тамбовскую** губернию и на Урал и т.п., и себя спасут и всю революцию, **вполне и наверное**. Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель” (50; 106).

Или в Тулу 3 июня: “Сообщите срочно, сколько хлеба ссыпано, сколько вагонов отправлено, сколько спекулянтов и кулаков арестовано” (50; 89).

Туда же, в Тулу 5 августа:

”1) **обобратить** и отобратить все излишки хлеба у кулаков и богатеев всей Тульской губернии.

2) **свезти** весь этот хлеб **тотчас** в Москву” (50; 137).

Можно только предположить, сколько крови пролилось при осуществлении указания главы правительства: “Среди рабочих голодных губерний (и среди голодных крестьян там же) развернуть массовую агитацию: в поход на жнитво в Плещкий уезд!” (50; 138).

Но расскажем подробно об экзекуции над крестьянством лишь Пензенской губернии — ибо именно туда было направлено письмо вождя от 11 августа 1918 года с указанием: “Образец надо дать”. Понимая, что крестьяне добровольно отдавать хлеб не будут, и имея сведения об их сопротивлении, Ленин еще 9 августа дал задание Пензенскому губисполкому: “Необходимо организовать усиленную охрану

из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города” (50; 143-144).

Приказ вождя — арестовывать неповинных в каких-либо проступках граждан и даже не “подозреваемых”, а “сомнительных”, направляя их в концлагеря — неминуемо вел на местах к “беспределу”, хотя, справедливости ради, следует отметить, что не Ленин изобрел концентрационные лагеря — они существовали еще в конце XIX века, англичане использовали их в ходе англо-бурской войны.

Е. Бош свидетельствовала: “Так как руководящие пензенские товарищи были против решительных мер в борьбе с кулачеством, но не возражали по существу полученных директив, а создавали всяческие препятствия и затруднения в проведении их, то мне пришлось ответить Владимиру Ильичу коротко: “Будет исполнено!”

После четких установок на имя трех руководителей Пензенской губернии — “непременно повесить” не менее ста человек, “отнять у них весь хлеб”, “назначить заложников” и т.д., Ильич на следующий день шлет телеграммы каждому в отдельности. Представителю Москвы Е. Бош: “Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков” (50; 148).

Председателю Пензенского губкома партии и Пензенского губисполкома А. Минкину: “Надо ковать железо, пока горячо, и для этого использовать подавление кулаков для повсеместного беспощадного подавления спекулянтов хлебом, для конфискации у крупных богатеев хлеба и для массовой мобилизации бедноты, наделяемой хлебом” (50; 148).

И, наконец, члену губкома партии и председателю Совета губернских комиссаров В. Кураеву: “Крайне важно собрать и опубликовать факты участия левоэсеров в кулацком восстании. Сообщите подробнее, какие меры против левоэсеров Вы намечаете” (50; 149).

Раздельное обращение вождя к местным лидерам принесло свои плоды. 13 августа Бош и пензенский губернский комиссар печати А. Кутузов (каждый в отдельности) направили Ленину телеграммы с жалобами на мягкость Минкина. И Ленин на следующий день телеграфирует Минкину: “Получил на Вас две жалобы. Первая, что Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции. Вторая жалоба, что Вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листовок, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотен тысяч на агитацию. Требуйте денег срочно от ЦИКа, недостатка денег не будет. Такие оговорки не примем” (50; 149). Для агитации против производителей хлеба — “недостатка денег не будет”!

Изучение ленинского эпистолярного наследия приводит к выводу, что глава советского правительства частенько “крайне удивлялся” и протестовал, когда его подчиненные проявляли “слабость”, “мягкость”, промедление в ужесточении террора как в деревне, так и в городе, которые Ленин объединял и одновременно “разъединял” политикой репрессий. Еще за шесть недель до бурной переписки с пензенским руководством Ленин в письме к Зиновьеву наказывал: “Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере **рабочие** хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, **тормозим** революционную инициативу масс, **вполне** правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего **решает**. Привет! Ленин” (50; 06). Зиновьев вообще получал от Ленина наибольшее число указаний, подобных следующему: “Совершенно благонадежных отправляйте на Дон, неблагонадежных в концентрационные лагеря, неопределенных в Орловскую и подобные... губернии”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.9852).

Но в отличие от Зиновьева, безропотно развернувшего под давлением Ленина в Петрограде кровавый “красный террор” — Минкин в Пензе неожиданно взбунтовался! В телеграмме от 19 августа Ленин дает очередной нагоняй пензенскому губисполкому: “Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены вами. Бездеятельность ваша преступна. Надо все силы направить на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение” (50; 156).

И в этот же день Ленин по прямому проводу Минкину: “Глупо спрашивать, может ли наркомфин, еще притом одной области, отменить мое распоряжение. Если это распоряжение будет не исполнено, я отдам виновных под суд. Роту латышей оставьте пока в Пензе до подавления Чембар. Передайте всем членам исполкома и всем коммунистам, что их долг беспощадно подавлять кулаков и конфисковать весь хлеб повстанцев. Я возмущен Вашей бездеятельностью и слабостью. Требую подробных отчетов об исполнении всех моих распоряжений и о мерах подавления и конфискации особенно” (50; 156).

Ильич поистине неугомоним! 20 августа он вновь телеграфирует Минкину: “Сейчас прочел вашу докладную записку. Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, впредь до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно сначала против одной волости, доводя дело до конца. Присылайте точный отчет про Чембары. До сих пор у вас был явно не только недостаток сил, но и недостаток энергии, ибо вы могли все же подавить восстание пяти волостей, значит могли бы довести до конца хоть в одной волости. Если будет нужно, пришлем еще сил, телеграфируйте подробнее и точнее, где у вас сколько занято, где, куда, какая подмога нужна” (50; 161).

Пройдет чуть больше суток — и Ленин в ночь с 21 на 22 августа получит телеграмму за подписью ряда партийных руководителей Пензенской губернии о заседании губкома партии, обсудившем выполнение телеграфных указаний вождя. На заседании А. Минкин в ответ на решение членов губкома

послать “продовольственника” и 50 красноармейцев-латышей для подавления восстания крестьян и конфискации у них хлеба заявил, что он отказывается выполнять это решение.

Здесь даже вождь немного растерялся и сбавил свой свирепый тон. 22 августа — новая его телеграмма Пензенскому губкому партии, копия — Минкину: “Не понимаю, как мог Минкин отказаться исполнять постановления большинства губкома. Надеюсь, что это только недоразумение. Настаиваю, чтобы в военное критическое время все дружно работали с наибольшей решительностью, подчиняясь большинству, а конфликты передавали в Цека, не останавливая работы” (50; 166).

И 28 августа — очередная ленинская телеграмма в Пензенский губисполком, теперь уже в минорном тоне: “Крайне прискорбны внутренние конфликты среди коммунистов. Будет позором, если они не уладятся. Выберите тотчас комиссию для улажения в два дня, например, путем раздела уездов между виднейшими работниками, чтобы разнять ссорящихся. Решение комиссии телеграфируйте” (50; 171).

Впрочем, в последующие месяцы вождь был предельно жесток по отношению к своим соратникам в провинции. Один пример — его телеграмма симбирскому губпродкомиссару: “Хлеб от крестьян вы обязаны принимать днем и ночью. Если подтвердится, что вы после 4 часов не принимали хлеба, заставляли крестьян ждать до утра, то Вы будете расстреляны” (50; 238).

А теперь зададим вопрос — какие же страдания испытали пензенские крестьяне в это лето, какой практический результат имел поток неистовых ленинских телеграмм в адрес “недостаточно энергичного” губернского руководителя?

Обратимся к открытому письму лидера левых эсеров Марии Спиридоновой Центральному комитету партии большевиков в ноябре 1918 года. Находясь под арестом после событий 6 июля 1918 г., вошедших в историю под названием “левоэсеровского мятежа”, она тем не менее имела возможность получать письма с мест и знакомиться с обстановкой в стране.

“Я знаю о Пензенской губернии, — писала она. — В Пензенской губернии пороли крестьян, расстреливали, и все, что полагается, они приняли в положенной форме и в установленном порядке. Сначала их реквизировали, порой и расстреливали, потом они стали стеной (кулацкое восстание — говорили

на), потом их умиряли, опять пороли и расстреливали. Наши первые социалисты-революционеры разговаривали с десятками этих, поровших крестьян, “интернационалистов”. С каким презрением говорили они о глупости русского мужика и о том, что ему нужна палка; и какой дикий шовинизм вызвали эти отряды “интернационалистов” в деревнях — передать трудно. История с “комбедами” еще долго не изживется”.

В открытом письме Спиридонова цитирует и отдельные письма крестьян:

“Ставили нас рядом... Целую одну треть волости шеренгой и в присутствии двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети”. “По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по несколько недель не ложились на спину. Взяли у нас все до чиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить”. “Матушка наша, скажи, к кому же теперь пойти, у нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли — не было достаточно семян, — у нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас нет “буржуазии”, у нас надел $\frac{3}{4}$ — $\frac{1}{2}$ на душу, прикупленной земли не было, а на нас наложена контрибуция и штраф, мы побили нашего большевика-комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, сказать тебе не можем, как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли”. “Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы все по закону сполна отвезли на станцию. А они опять приехали. Велели со сходов уйти. Мы их честно стали просить оставить нас. Обед стотовили, все несем, угощаем, что хотят берут, даем без денег, не жалуемся. А они пообедали и начали нас всячески задирать. Одно-го красноармейца поколотили. Они нас пулеметом, огнем. Убитые повалились... И вот пошли мужики потом. Шли шесть волостей стеной, на протяжении 25 верст со всех сторон, с плачем, воем жен, матерей, с причитаниями, с вилами, железными лопатами, топорами. Шли на Совет”.

В ноябре 1918 года Спиридонова справедливо обвинила Ленина и все руководство партии большевиков: “Этой крови вам не смыть, не очиститься от нее даже во имя самых “высоких” лозунгов”.

Одна из моих статей (“Морали в политике нет”, “Комсомольская правда”, 19 февраля 1992 г.) начиналась с цитаты из воспоминаний активного участника событий того периода, автора книги о Николае Баумане “Грач — птица весны” Сергея Мстиславского: “Перед разгоном Учредительного собрания был разговор с Лениным группы членов ЦК левых эсеров. Спиридонова говорила очень возбужденно; сказала что-то про “хулиганство” и упомянула о морали. Ленин сейчас же поднял брови: “Морали в политике нет, а есть только целесообразность”. Оппоненты незамедлительно возразили на мою статью — стоит ли, мол, по одному воспоминанию делать категоричные выводы? Но подобных свидетельств — сотни. Ленин многократно утверждал: “Революционная целесообразность выше формального демократизма” (42; 246). И ленинскую “целесообразность” Спиридонова в последний раз ощутила в последние минуты своей жизни, когда ее, старую и больную, “твердые” сталинские костоломы вывели осенью 1941 г. из камеры Орловской тюрьмы и пристрелили.

И какое же безграничное лицемерие проявит Ленин, когда после краха политики “военного коммунизма” заявит, что “насилие по отношению к крестьянам” было бы “идиотизмом, тупоумием и гибелью дела”; скажет о “безобразном поведении местных властей, особенно в захолустье”; признается, что “сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно”.

Впрочем, известный французский журналист Борис Суварин давно уже обратил внимание на многократно повторяемый лейтмотив ленинских высказываний: “Я ошибся... мы ошиблись... я, кажется, сильно виноват перед рабочими России... Тут была также большая моя вина... Мы в России сделали тысячи ошибок... Мы наглумили достаточно в период Смольного... Мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей...”

Злоба, ненависть к крестьянству — к тем, “кто не с нами” — проявились у Ленина по разным причинам. Одна из них — вождь не мог простить крестьянству его патриотизм, любовь к Родине, неприятие чуждого ему пролетарского интернационализма. Объясняя причины поражения Красной Армии под Варшавой летом 1920 года, вождь заявил: “Крестьянство всегда было патриотическими лакеями” (“Исторический архив”, 1992 г., № 1, стр. 25). Действительно, польское крестьянство единодушно выступило против оккупации большевиками территории своей страны. Что ценил Ленин в крестьянстве до октябрьского переворота — так это его стихийный бунт, порыв к поджогам, разграблению и уничтожению дворянских усадеб. “Разинщину” и “пугачевщину”. Именно на открытии памятника Степану Разину на Красной площади 2 мая 1919 г. вождь воздал хвалу “мятежному крестьянству” (38; 326).

9 января 1917 года, то-есть менее, чем за два месяца до Февральской революции в России, 46-летний Ленин свой известный “Доклад о революции 1905 года” в Цюрихе перед молодыми швейцарскими социалистами закончил пессимистическим прогнозом: “Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции” (30; 328). И здесь же: “Крестьянское движение осенью 1905 года достигло еще больших размеров... Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа. К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения.

К сожалению, крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции” (30; 322). Трижды — “к сожалению”!

Впрочем, несколько месяцев спустя после ленинского доклада запыхают тысячи усадеб, памятников русской культуры. По Ленину, в этом был “исторический долг” земледельцев.

А вот документ, не вошедший в “полное” собрание сочинений и относящийся к завершающей стадии гражданской войны. Сталин пишет 20 августа 1920 г. проект “Постанов-

ления Совета Труда и Оборона": "Поручить Революционному Военному Совету Республики дать указание Крымскому и Кавказскому фронтам, обязывающее наши дивизии при отходе **забирать** у населения все продовольственные излишки и **обезлошадить** покидаемую нами временно территорию. Утверждено в Совете Оборона. В.Ульянов (Ленин)."

Ленин расписался, пометив: "(не обижая рабочих)". (Лен. сб. XXXV, стр. 144).

Обоих вождей абсолютно не беспокоил тот факт, что полностью лишив крестьян на больших территориях лошадей, они обрекали и крестьян, и рабочих на неминуемый голод.

С окончанием гражданской войны и введением новой экономической политики Ленин стал рассматривать крестьянство как главного врага. В августе 1921 года он утверждал: "Мы поднялись до самой высокой и вместе с тем до самой грудной ступени в нашей всемирно-исторической борьбе. Враг в данную минуту и на данный период времени не тот, что вчера. Враг — не полчища белогвардейцев под командой помещиков, поддерживаемых всеми меньшевиками и эсерами, всей международной буржуазией. Враг — обыденщина экономики в мелкокрестьянской стране с разоренной крупной промышленностью. Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата" (44; 103).

Как известно, после 6 марта 1923 г. Ленин не написал ни строчки, ни слова не продиктовал. Но в его сумеречном сознании жила еще мысль, он мог кивком, отрицательным покачиванием головы или нечленораздельными звуками выразить свое отношение к тому или другому событию. Об этом докладывалось партийному активу. Так, 26 сентября 1923 г. Г. Зиновьев сообщил на партийном совещании: "Владимиру Ильичу читают газеты, сначала с пропусками, теперь без пропусков. Ему прочитывают оглавление газеты и он выбирает, что ему читать и что не читать... По поводу того, что на Украине у богатых мужиков отбирают излишки, он выразил большое неудовольствие, что "это не было сделано до сих пор..." Видимо, вождь забыл, что уже два с половиной года, как отменена продразверстка, что в стране — нэп. Но что у крестьян нужно отбирать хлеб — это было у него в крови до последних дней жизни.